

Вячеслав Звягинцев

ВОЙНА НА ВЕСАХ ФЕМИДЫ

(война 1941—1945 годов в материалах
следственно-судебных дел)

Книга 1

Вячеслав Звягинцев

**Война на весах Фемиды. Война
1941—1945 гг. в материалах
следственно-судебных дел. Книга 1**

«Издательские решения»

Звягинцев В.

Война на весах Фемиды. Война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. Книга 1 / В. Звягинцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851363-3

Правда о войне у каждого своя. У писателей-фронтовиков — окопная. В мемуарах военачальников — маршальская. В этой книге война показана такой, какой она представлена в материалах следственно-судебных дел. Это взгляд на войну глазами военной Фемиды. И эта правда, которую можно назвать прокурорско-трибунальской, позволяет под другим углом зрения посмотреть на ряд ключевых событий минувшей войны, поднять практически неизведанные исторические пласты.

ISBN 978-5-44-851363-3

© Звягинцев В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к электронному изданию книги	6
Глава 1. По законам военного времени	11
1. Фемида на военном положении	11
2. А судьи кто?	16
3. По данным судебной статистики	20
4. Конвейер продолжал работать	23
5. Внесудебная расправа	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Война на весах Фемиды Война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. Книга 1

Вячеслав Звягинцев

© Вячеслав Звягинцев, 2017

ISBN 978-5-4485-1363-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к электронному изданию книги

1.

Книга «Война на весах Фемиды» была издана в 2006 году¹. На сбор архивного материала и ее написание ушло десятилетие. Отразить войну в человеческом измерении, показать ее изнанку через призму следственно-судебных дел оказалось далеко не просто. По причине закрытости и, соответственно, отсутствия на тот период времени каких-либо серьезных исследований по этой теме.

Объем книги составил 767 страниц. При подготовке электронного издания предполагалось книгу существенно сократить, внести необходимые исправления, убрать значительную часть ставших уже общеизвестными фактов и примеров. Все это было сделано. Но в итоге вышла, по сути, новая книга. Точнее, две книги – при сокращении общего объема. Материал переформатирован, иначе скомпонован, дополнен новыми фактами и документами – как ранее обнаруженными автором, но не вошедшими в книгу, так и документами, опубликованными в последние годы исследователями этой темы.

Теперь «Война на весах Фемиды» состоит из 2-х книг. В первой – «Трибунал для генералов» описаны события первого года войны, в основном – суды над высшим комначсоставом. Во второй, работа над которой еще продолжается, – прослеживается дальнейший путь военной Фемиды, до победного 45-го года...

Судя по отзывам, ценность изложенного в книге «Война на весах Фемиды» материала, в значительной своей части впервые обнародованного автором, как раз в этом и заключается. Это практически справочник-отчет о деятельности (во многом неизвестной) военной юстиции в годы войны. Историк М. Солонин в этой связи даже составил на своем сайте что-то в виде конспекта моей книги, высказав при этом сожаление, что поздно с ней ознакомился.

Приведу отрывок из одного только отзыва, отвечающего на вопрос: о чем эта книга и на чем она основана: «Медведь Кирилл, 9 октября 2009 г. Автор с энтузиазмом покопался в надзорных делах военной прокуратуры, военной коллегии и сделал приличную книгу. Текст организован просто: каждая глава – это подборка дел со сходными составами преступлений, в разумном пересказе автора, в конце же главы приводится несколько оригинальных архивных документов... Книга неожиданно интересная, поскольку служивые на войне много чего вытворяли: и технику ломали, и запивали, и корабли на скалы сажали... В общем, случалось все, что только может случиться: и геройские дела, и нечеловеческое разгильдяйство. Книга особенно понравилась тем, что о большинстве дел никто никогда не писал и даже не слышал. Использован материал малодоступный, практически неизвестный, и оттого вдвойне неожиданный и интересный. Каждый документ автор сам в руках подержал, прочитал, и ничего из чужих книг не заимствовал».

Работа военной Фемиды в годы войны действительно изобилует белыми пятнами. Если с довоенными репрессиями мы, в основном, «разобрались», благодаря исследованиям Н. Г. Смирнова², О. Ф. Сувенирова, Н. С. Черушева, и др., то применительно к военному времени – до сих пор на глазах повязка. Не у Фемиды – у нас с Вами! Официальная судебная статистика, как далее будет показано, абсолютно не отражает реалий того времени. Опубликованные в последние годы таблицы и списки (даже о количестве репрессированных лиц из высшего комначсостава) – далеко неполные.

¹ Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды: война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М. Терра. 2006.

² «Вплоть до высшей меры», М. 1997 г.

Согласно данным из коллективного сочинения группы генерала Г. Ф. Кривошеева³ за все годы войны погибли 416 советских генералов и адмиралов, из них расстреляны и посмертно реабилитированы – 18.

На самом деле, по подсчетам автора, только за первый военный год (с 22 июня 1941 года по 21 июня 1942 года) было подвергнуто арестам 107 чел., которых по воинскому званию или должности следует отнести к высшему командно-начальствующему составу (1 маршал, 72 генерала, 6 адмиралов, остальные – командиры дивизий и высший политсостав; из них 45 чел. приговорили к расстрелу, в т.ч. 34 генерала, 10 чел. умерли в заключении)⁴. Причем, надо заметить, этот список далеко не полный. В него не вошли генералы, арестованные до войны, но осужденные в годы войны; генералы, точная дата ареста которых неизвестна (генерал-майоры К. Я. Архипчиков, Я. П. Лиепиныш, А. Н. Крустыныш, генерал-майоры артиллерии В. И. Жилис, Г. Ф. Бреде, И.В. и другие, арестованные летом 1941 г.), а также генералы, заочно осужденные Военной коллегией Верховного суда СССР).

Добавим к этому, что, по данным А. А. Печенкина, в период Великой Отечественной войны погибли и умерли от различных причин 458 генералов и адмиралов. Репрессиям подверглись свыше 90 генералов и адмиралов. Из них 54 чел. погибли (48 – расстреляли, 6 – скончались в тюремных стенах), «что составило почти 12 процентов общих потерь советского генералитета за весь период войны»⁵.

Неполнота, искажение или замалчивание были присущи не только статистическим данным. Та же картина наблюдается при освещении целого ряда ключевых событий минувшей войны. В частности, было вымарано, исчезло из исторических сочинений то, что сегодня принято называть человеческим измерением войны. Безликость изложения, многостраничное перечисление действий командования, связанных с планированием и проведением войсковых операций, а также задействованной в этих операциях боевой техники, частей и соединений, быстро утомляют и отталкивают от чтения.

Напрашивается вопрос: а где же люди, их отношение к происходящему, раздумья и переживания, личные и непредвзятые оценки произошедшего?

Без учета человеческого измерения нельзя почувствовать страшное дыхание той войны. Трудно ощутить степень напряжения духовных и физических сил, которого требует от людей война. Свое внешнее проявление это находило не только в виде беспримерных образцов великой жертвенности и самоотречения. Тяжелейшие экстремальные условия военного времени порождают еще и всплеск уголовной преступности, обнажают низменные проявления людей. Так было во все войны. Так было и в годы Второй Мировой.

Мы, и наши дети, должны знать – фронтовые будни состояли не только из героических подвигов и дерзких рейдов по тылам. Лик войны грязен. Кровь, пот, слезы, голод, и разруха – все это среда, наиболее питательная для бурного размножения эмбрионов преступности. Вспомним размышления героя романа К. Симонова генерала Серпилина о том, что война – «паскудное дело». Но писать правду о криминальной изнанке войны необходимо. Иначе правда о грозных сороковых будет неполной и частичной.

Между тем, нынешняя ситуация не располагает к проведению исследований такой направленности. Причем, эта ситуация стала меняться в последние годы. Поясню, о чем идет речь на примере высказываний двух разных авторов о патриотизме и жертвенности нашего народа в годы войны.

³ Кривошеев Г. Ф. (под редакцией). Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. М. Олма-пресс. 2001.

⁴ Приложение №3 – сводная таблица.

⁵ Печенкин А. А. Автореферат диссертации по теме «Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны».

Первый автор писал: «Патриотизм и любовь к Родине подразумевают готовность умереть в экстремальных обстоятельствах, когда Родина в опасности, и являются неизменными чертами русского характера. Можно утверждать, что самые лучшие черты русского характера, которые проявляются во время национального кризиса, – это преданность, самопожертвование, патриотизм (но не шовинистического толка), способность переносить лишения».

И второе высказывание – «В других государствах, участвовавших во Второй мировой войне, мифологизировались герои, уничтожившие множество неприятельских солдат, танков, самолетов, кораблей, но отнюдь не ценой собственной жизни. Исключением были только японские самураи. В этом отношении Сталин и руководители Красной армии вполне разделяли самурайскую традицию, согласно которой главное для воина – героически погибнуть в бою, а не сохранить свою жизнь, чтобы продолжать уничтожать врагов».

Как это не покажется странным, но в первом случае нами процитирован отрывок из книги американского историка Альберта Аксела⁶, а во втором – нашего историка Бориса Соколова⁷. У Аксела жертвенность – самая лучшая черта нашего народа. У Соколова – навязанная Сталиным самурайская традиция. И подобного рода пассажей о том, что победа «была великой, но только принесенными жертвами, а не достигнутыми результатами» в работах некоторых наших историков было немало.

Между тем, сегодня наметился крен в другую сторону. О героизме и жертвенности мы пишем и говорим много. А вот о жертвах репрессий и других допущенных ошибках – все меньше и меньше.

2.

Древнему мыслителю Цицерону, применительно к теме нашего исследования, принадлежат высказывания:

1. «Первый **закон** истории – не отваживаться ни на какую ложь, затем – не страшиться никакой правды»

2. «Когда гремит оружие, **законы** безмолвствуют».

Нетрудно заметить, что и в первом, и втором изречении присутствует ключевое слово «Закон». С первым, пожалуй, стоит безоговорочно согласиться и признать, что игнорирование этого правила приводит к выхолащиванию исторической правды. А вот второе утверждение мыслителя, правильное, по сути, вряд ли является безапелляционным. В смутное, беспокойное время, в боевых условиях или в период войны большинство гражданских законов действительно откладывается в сторону. И начинают действовать другие – законы военного времени. Законы суровые, жесткие. Но ведь суровость эта вызвана войной, которая сама по себе является попранием всех законов цивилизованного общества.

Многие решения командующих фронтами и армиями, Военных советов и военных трибуналов о расстрелах за отход частей с занимаемых рубежей без приказа поражают современного читателя своей жестокостью и несправедливостью. К тому же, большинство расстрелянных за это командиров дивизий, полков и батальонов ныне реабилитированы. Но, с другой стороны, кто знает – как бы сложилась ситуация в 41-м году под Москвой и в 42-м году под Сталинградом, если бы не были изданы крайне суровые приказы №270 Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 года и №227 Наркомата Обороны от 28 июля 1942 года. Поэтому генерал армии М. Гареев как-то заметил: «Можно ли было обойтись без такой жестокости? Можно. Ценой потери суверенитета со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁸.

⁶ Аксел А. Герои России (1941—1945). М. Интерстамо. 2002. с. 14.

⁷ Соколов Б. Тайны второй мировой. М. Вече. 2001. с. 38.

⁸ Цит. по – «Приказано – жечь!» (на сайте – <http://svpressa.ru/all/article/52003/>).

Известно, что «право» в переводе с латинского означает справедливость. Отвечали ли в этом смысле своему предназначению законы военного времени? Трудно ответить на этот вопрос однозначно.

Нет однозначных оценок и о деятельности применявших эти законы военных трибуналов. Они нередко штамповали, облекали в некое подобие правовой формы решения вышестоящего командования. Немало трагических страниц трибуналы вписали в свой исторический формуляр, рассматривая «контрреволюционные» дела в отношении невинных людей. Но, с другой стороны, было вынесено немало оправдательных приговоров в отношении военнопленных, необоснованно обвиненных органами следствия. И в то же время – обоснованных обвинительных приговоров паникерам и дезертирам, мародерам и казнокрадам, фашистским палачам и их прихвостням. Эта деятельность военных трибуналов, безусловно, сыграла свою роль в укреплении дисциплины на фронте и в тылу. А в конечном счете – в достижении Победы.

Об этом более детально поговорим во второй книге «Изнанка войны». В первой же речь пойдет, в основном, о судебных процессах над генералами, состоявшимися в начальный период войны.

Если анализировать судимость командного состава в первые военные месяцы, то среди совершенных ими преступлений доминировали две статьи УК РСФСР – статья 58—1 п. «б» (измена родине) и статья 193—17 (бездействие власти, а также халатное отношение к службе, повлекшие дезорганизацию подчиненных частей и иные тяжелые последствия).

По статье 193—17 квалифицировались действия командиров, связанные с провалами в руководстве войсками, отступлением и бегством с поля боя, оставлением без приказа боевых позиций и т. п. Нередко таким действиям придавалась контрреволюционная окраска, как это было по делу командира 38-й стрелковой дивизии полковника М. Г. Кириллова, расстрелянного за «измену родине». Командир вновь сформированной под тем же номером дивизии полковник А. Д. Коротков позже тоже будет расстрелян по приговору военного трибунала как «изменник родине». Подобного рода случаев, когда сменявшие друг друга командиры одного и того же соединения попадали под трибунал, было немало. Например, после осуждения в 1942 году командира 147-й стрелковой дивизии генерал-майора А. А. Вольхина, командиром этой дивизии был назначен генерал-майор Н. А. Москвин. 23 января 1943 года он также был привлечен к судебной ответственности за то, что, получив от командующего армией боевой приказ об овладении населенным пунктом, проявил преступную бездеятельность и потерял управление дивизией...

Проанализированные автором приговоры и другие архивные документы органов военной юстиции дают возможность восстановить недостающие звенья, помочь реконструировать малоизвестные и запутанные страницы боевой летописи, по новому понять и оценить величие народного подвига и бездарность отдельных стратегов, причины военных неудач и масштабность человеческих трагедий, истоки героизма защитников Отечества и глубину нравственного падения предателей Родины.

Обозначая критерии нашего подхода к исследованию, мы должны сказать и о том, что отношение к следственным и судебным делам военных лет, как и к любым другим архивным документам, должно быть критическим. Жанр исторического расследования требует сопоставлять такие материалы с другими источниками, в том числе – воспоминаниями очевидцев и непосредственных участников, включая тех, кто проводил следственные действия и судебные заседания.

По мере возможности мы это тоже делаем. В личном архиве автора немало неопубликованных воспоминаний судей военных трибуналов...

С каждым годом события отгремевшей в прошлом веке войны уходят все дальше в прошлое. Между тем, память ушедших от нас людей всегда остается в числе самых надежных исторических документов, позволяющих донести до последующих поколений неискаженную

истину. Ветераны справедливо говорят, что это нужно не тем, кто по естественным законам, уходит в небытие. Это важно для тех, кто строит жизнь сегодняшнюю.

Вячеслав Звягинцев

2017

Глава 1. По законам военного времени

1. Фемида на военном положении

С началом войны следственно-судебные органы страны продолжали работать в режиме довоенного времени. Хотя этот режим трудно назвать мирным. В тридцатые годы прошлого века операции органов госбезопасности по изъятию «врагов народа» как по своей массовости, так и по числу жертв, вполне смахивали на фронтовые операции. Аресты, допросы с пристрастием и скорострельные судебные процессы продолжались и после 22 июня 1941 года. Чтобы сразу заинтересовать читателя, можно было бы начать наше повествование с рассказа об одном из таких дел. Рассказать, например, как в этот день следователь Пилюгин выбивал показания у бывшего комкора М. П. Магера, требуя признаться в том, что он участник военно-фашистского заговора⁹. Но все же логичнее показать сперва общий срез событий тех трагических дней, вкратце ознакомить читателя с законодательной базой, судебским корпусом, статистикой и другой информацией общего характера.

Все знали, что Гитлер готовит нападение на СССР. И тем не менее, вторжение германских армий на советскую территорию явилось полной неожиданностью для политического и военного руководства страны. Историки отмечают, что директива №1 о приведении войск в боевую готовность запоздала, как минимум, на сутки. Эти сутки дорого обошлись нам – потери в живой силе и военной технике, могли бы быть на порядок ниже и фашисты вряд ли бы через неделю взяли Минск, а еще через две – стояли у стен древнего Смоленска. Впрочем, история не знает сослагательного наклонения.

Текст директивы №1, причем с неопределенным для командования предостережением «не поддаваться ни на какие провокационные действия», окончательно отредактировали ближе к полуночи, когда до вторжения оставались считанные часы. Не разработали заранее и другую нормативно-правовую базу на период военного времени. Например, отсутствовали положения о создании Государственного комитета обороны и Ставки Верховного главнокомандования. А вот законопроекты об усилении репрессивно-карательных мер на случай войны подготовили заблаговременно. И при наступлении «особого» периода оставалось лишь вскрыть на конвертах сургучные печати.

Мало кто знает, что еще до обращения по радио В. М. Молотова к советскому народу в Кремле были подписаны два Указа Президиума Верховного Совета СССР, имевших прямое отношение к военным трибуналам, а значит и к теме нашего исследования (Приложения №1 и 2 к Главе 1)¹⁰.

В соответствии с этими указами «за неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении», виновные подлежали уголовной ответственности «по законам военного времени». Причем, в таких местностях, «все дела о преступлениях, направленных против обороны,

⁹ Член Военного совета ЛенВО комкор М. П. Магер находился в заключении с 10 сентября 1938 г. по февраль 1940 г. 8 апреля 1941 г. он вновь был арестован, как «необоснованно освобожденный» Главной военной прокуратурой. Интересно, что на этот раз следователем была женщина – сержант госбезопасности Куркова. 20 июля 1941 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Магера к расстрелу.

¹⁰ Всего в этот день было подписано 4 Указа. Кроме того, в первый день войны была принята совместная директива наркома внутренних дел и прокурора СССР №221, предписывавшая руководителям НКВД и прокурорам «прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников». Указанных заключенных, а также «польские контингенты, немцев и иноподданных» следовало «сосредоточить в усиленно охраняемые зоны».

общественного порядка и государственной безопасности, передавались в военно-судебные органы»¹¹.

Что же это за дела?

Их подробный перечень приводился в Указе: все дела о государственных (контрреволюционных) преступлениях¹²; о преступлениях, предусмотренных законом от 7 августа 1932 г., который прозвали в народе «законом о трех колосках»; о разбоях и умышленных убийствах; об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности, о сопротивлении представителям власти...

Дела по законам военного времени предписывалось рассматривать трем судьям¹³ в упрощенном порядке: без участия защитников и по истечении 24 часов после вручения подсудимым обвинительного заключения. Кассационный порядок обжалования приговоров вообще упразднялся. То есть практически по всем делам, подлежащим рассмотрению военными трибуналами, вводился порядок, аналогичный тому, который был установлен постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 1 декабря 1934 г. для рассмотрения дел о террористических актах (сразу после убийства С. М. Кирова).

Для приговоренных оставляли лишь одну надежду – военное командование могло в случае каких-либо сомнений приостановить исполнение расстрельного приговора. Но с обязательным уведомлением и доведением своего мнения до высших военно-юридических инстанций. О каждом таком приговоре военный трибунал также немедленно должен был сообщать по телеграфу председателю Военной коллегии и Главному военному прокурору. И если эти лица не накладывали «вето», то в течение 72 часов приговор приводился в исполнение.

Остальные же приговоры военных трибуналов вступали в законную силу с момента их провозглашения и немедленно приводились в исполнение.

И. Сталин верил в эффективность репрессий как средство для поддержания порядка и повышения боевого духа войск. Поэтому слово «трибунал» неоднократно упоминалось в выступлениях и документах начального периода войны. Так, 29 июня 1941 года он подписал «Директиву Совнаркома Союза СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей» в которой потребовал «немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица», а 3 июля того же года, в первом своем публичном выступлении по радио вновь дословно повторил эту фразу¹⁴.

Ситуация действительно складывалась недопустимо-критическая. Приведем выдержки лишь из двух донесений военных контрразведчиков:

из сообщения 3-го отдела Юго-Западного фронта от 25 июня: «22 июня с. г. после бомбежки противником г. Луцка весь партийный и советский аппарат в панике оставил город... 22 июня после первого налёта немецких бомбардировщиков в г. Львове началась паника. Партийные и советские работники областных организаций мобилизовали весь львовский автотранспорт, собрали свои семьи и большими партиями стали покидать город...»¹⁵;

из рапорта начальника 3-го отдела 10-й армии от 13 июля 1941 г.: «В ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотруд-

¹¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1941 г. №29.

¹² Террористические акты и некоторые другие наиболее тяжкие контрреволюционные преступления были отнесены к подсудности Военной коллегии Верховного Суда СССР и военных трибуналов округов еще в 1934 году.

¹³ Профессиональных судей в начальный период войны катастрофически не хватало, и реально многие дела рассматривал один судья; положение о введении заседателей, выделяемых командованием, было установлено лишь Указом Президиума Верховного совета СССР от 28 июля 1942 г.

¹⁴ Сталин. И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1947. с. 9—17.

¹⁵ Цит. по – Военно-исторический сборник. Трагедия 1941-го года. Причины катастрофы. Язуа; Эксмо. 2008 (РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 250—253).

ники органов НКВД и НКГБ во главе с начальниками органов также сбежали. Аналогичное положение имело место почти во всех районных и городских организациях. Из Белостока и других городов сбежала вся милиция»¹⁶.

Паралич власти на западе страны, обусловленный суматохой отступления, паникой и растерянностью, существенно затруднял в первые дни войны выполнение указаний и директив из центра. Оперативное реагирование с помощью органов госбезопасности и военной юстиции на факты преступных проявлений удалось организовать не везде.

К. Симонов, оказавшийся в те дни среди отступавших частей, поведал в своих дневниках о расстрелах командованием военнослужащих вообще без какого-либо вмешательства прокуроров и судей, а также попытках военных юристов по своей инициативе каким-то образом организовать в войсках некое подобие прокурорско-следственной работы¹⁷.

Наглядное представление о состоянии этой работы в те дни дает докладная записка военного прокурора военюриста 3 ранга Глинки от 5 июля 1941 г., прибывшего в город Витебск по указанию военного прокурора Западного фронта. Глинка, кстати, неоднократно ссылается в этом документе на упомянутое выступление Сталина, подробно описывает непростую обстановку, сложившуюся в городе, перечисляет дела, переданные им в военный трибунал и дает нелестную характеристику работе самого трибунала:

«...Вчера, 4 июля, мною арестован и предан суду ВТ (военного трибунала – авт.) начальник тюрьмы..., который 24 июня вывел из Глубекской тюрьмы в Витебск 916 осужденных и следственно-заклученных. По дороге этот начальник тюрьмы Приемышев в разное время в два приема перестрелял 55 человек, а в местечке около Уллы, во время налета самолета он дал распоряжение конвою, которого было 67 человек, перестрелять остальных... было перестреляно 714 заключенных. Нами по личным делам установлено, что среди этих заключенных более 500 человек являлись подследственными, и несмотря на это без всяких оснований они все же были незаконно перестреляны...

В отношении ВТ гарнизона сообщаю следующее:

Когда я приехал, то местные органы послали телеграмму в ЦК о создании ВТ. Это сообщение попало к тов. Рычкову¹⁸, который своей телеграммой назначил председателя облсуда тов. Грищенкова председателем ВТ. Это старый судебный работник, но плохой трибунальщик в особенности в военное время да в боевой обстановке. ... судьи малоквалифицированы, поэтому с первых дней получились ляпсусы в работе ВТ, приговора низкого качества (прилагаю)...

Областные органы, в том числе обком и облисполком (тов. Стулов, тов. Рябцев) ... запоздали со многими важнейшими мероприятиями, в результате чего в городе появилось среди населения тревожное настроение, паника, бегство, бестолковщина и дезорганизация, т. е. появилось все то, от чего предостерегал тов. Сталин в своей речи...

Сейчас в Витебске не найдется ни одного учреждения, которое бы работало. Закрылись и самоликвидировались все, в том числе облсуд, нарсуды, облпрокуратура, облздрав, промсоюзы и т. д. и т. п. Тюрьма ликвидировалась. Милиция работает слабо, а НКВД также сворачивает свою работу. Все думают, как бы эвакуироваться самому, не обращая внимания на работу своего учреждения. Почти во всех учреждениях настроение такое, что завтра придет в город неприятель, а поэтому сжигают все архивы и текущие документы. В общем, работа и нормальная жизнь в городе парализовалась полностью...»¹⁹.

¹⁶ Там же. РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 330—340.

¹⁷ Симонов К. 100 суток войны. Смоленск. Русич. 1999.

¹⁸ Нарком юстиции СССР.

¹⁹ Цит. по книге – Скрытая правда войны: 1941 г., неизвестные документы. М. Русская книга. 1992. (см. также на сайте – <http://rkka.ru/docs/spv/SPV7.htm#3>).

С другой стороны, партийные органы жаловались в Москву на бегство и панику среди военных. Так, секретарь Гомельского обкома КП (б) Б. Ф. В. Жиженков 29 июня направил И. Сталину телеграмму с грифом «строго секретно», в которой писал: «Деморализующее поведение очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу. 27 июня группа колхозников Корналинского сельсовета Гомельского района истребительного батальона задержала и разоружила группу военных около 200 человек, оставивших аэродром, не увидев противника, и направляющихся в Гомель»²⁰.

Аналогичная картина наблюдалась в те дни во многих городах и населенных пунктах Советского Союза. Поэтому задача перестройки органов военной юстиции на военные рельсы действительно имела большое значение.

Система военных трибуналов в начальный период войны была существенно расширена. В Указах от 22 июня 1941 года отмечалось, что они действуют на фронтах, в военных округах, на флотах, в армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях.

Линейные суды железнодорожного и водного транспорта также реорганизовывались «в военные трибуналы соответствующих железных дорог и водных путей сообщения».

К подсудности военных трибуналов при дивизиях были отнесены дела военнослужащих от рядового до командира роты включительно; военных трибуналов при корпусах – до командира батальона включительно; военных трибуналов при армиях (флотилиях) – до помощника командира полка включительно; военным трибуналам при военных округах, фронтах и флотах – до командира неотдельной бригады включительно и ему соответствующих лиц.

Вскоре была расширена сеть военных трибуналов войск НКВД, образованных еще до войны. Теперь они создавались в областях, краях, в дивизиях и округах войск НКВД, а также в «прифронтовых местностях».

Круг гражданских лиц, которых стали привлекать к суду военных трибуналов, с началом войны также существенно расширился.

Так, к подсудности трибуналов отнесли дела, связанные с распространением ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения (Указ от 6 июля 1941 года) и дела в отношении работников военных предприятий, допустивших самовольный уход с работы (Указ от 26 декабря 1941 года). Последним указом самовольный уход с предприятия приравнивали к дезертирству. Причем, многих «самовольщиков» судили заочно. А потом оказывалось, что многие из них осуждены необоснованно, так как были мобилизованы в Красную армию.

28 июля 1941 года постановлением Пленума Верховного суда СССР №30/15/у к подсудности трибуналов отнесли дела о преступлениях лиц, состоящих в частях народного ополчения. Позже приравнивали к военнослужащим работников железнодорожного и водного транспорта, а также бойцов истребительных батальонов.

Как свидетельствуют документы, практически вся организационная работа по руководству военными трибуналами в годы войны осуществлялась Управлением военных трибуналов Наркомата юстиции СССР²¹, которое возглавлял бригадюр юрист, а затем генерал-лейтенант юстиции Е. Л. Зейдин.

В первые же дни войны в этом управлении был разработан, а 29 июня подписан наркомом юстиции приказ №106 «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад»²².

²⁰ Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): док. и материалы. Минск: НАРБ, 2006.

²¹ С 1942 г. – Главное управление военных трибуналов (ГУВТ)

²² Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных силах СССР. М. Воениздат. 1988. с. 129.

Отряд военных судей в 1941 году существенно возрос за счёт мобилизованных гражданских юристов. Если к началу войны численность военных судей составляла 776 человек²³, то по состоянию на 1 марта 1942 года она достигла 3735 человек.

²³ Накануне войны, по состоянию на 15 июля 1940 г., действовало всего 128 военных трибуналов.

2. А судьи кто?

Наш взгляд на войну – это взгляд Фемиды, которая держит в руках весы правосудия. Но у нее на глазах повязка. Снимем ее на время. Думаю, это не повлияет на беспристрастность суждений. Дело в другом. Рассказ о делах, рассмотренных в годы войны военными судьями, будет неполным, если прежде не сказать несколько слов о самих судьях. Сделать это необходимо еще и потому, что об этих людях до сего времени мало что известно. Их лица остались в тени. Поэтому сделаем несколько зарисовок, набросаем штрихами несколько судебных портретов. И начнем, с судей военной коллегии Верховного Суда СССР. Все они, в той или иной степени, оказались причастными к необоснованному осуждению в годы войны многих известных в стране людей – государственных деятелей, крупных военачальников, представителей интеллигенции и простых граждан.

Военная коллегия встретила войну в следующем составе: председатель – В. В. Ульрих, члены коллегии – А. М. Орлов, Д. Я. Кандыбин, И. В. Детистов, Л. Д. Дмитриев²⁴, Ф. А. Климин, М. Г. Романычев и А. Г. Суслин²⁵.

Василий Васильевич Ульрих, возглавлявший коллегию более четверти века, был среди них, безусловно, самой одиозной фигурой. Он был направлен в органы военной юстиции еще в начале 20-х годов. За несколько лет сделал головокружительную карьеру – стал председателем военной коллегии и заработал благосклонность Вождя, председательствуя на всех печально знаменитых процессах 30-х годов. Ульрих лично приговорил к расстрелу несколько сотен самых известных «контрреволюционеров» и в 1937 году получил за это из рук И. Сталина орден Ленина.

Политический вес возглавляемая Ульрихом коллегия стала набирать с осени 1934 года, сразу после того как ее наделили правом карать изменников родины, шпионов, террористов, вредителей и диверсантов. В это время весь ее состав переместили поближе к Кремлю. Сейчас это дом №23 по улице Никольской, в котором располагался Московский городской военкомат.

Фотографии В. В. Ульриха опубликованы. Его ненавистный для многих образ описан в исторических публикациях – толстенький, пузатенький, круглолицый, почти лысый, с маленькими «чаплинскими» усиками. С виду добродушный «дяденька», в течение двух десятилетий он хладнокровно отправлял безвинных людей на эшафот. Наивно полагать, что Ульрих не понимал этого. Ежедневно подписывая расстрельные приговоры в отношении тех, кто не совершал никаких преступлений, он слепо и беспрекословно исполнял волю руководства страны. Нагляднее всего, применительно к теме нашего исследования, это можно проиллюстрировать на следующем примере.

6 сентября 1941 года Л. Берия направил на имя И. Сталина письмо, с прилагаемым к нему списком на 170 заключенных орловского централа, в котором ходатайствовал о применении к ним расстрела, поскольку перечисленные лица проводят среди заключенных пораженческую агитацию и пытаются подготовить побег. Рассмотрение «материалов» на этих людей, большинство из которых были революционерами с дореволюционным стажем, Берия предлагал поручить военной коллегии. И. Сталин в тот же день подписал постановление №ГКО-634сс о применении высшей меры наказания к указанным заключенным. А 8 сентября военная коллегия послушно его проштамповала без какого-либо судебного разбирательства. Приговор вынесли в отношении 161 узника орловского централа. Все они были «осуждены» за контрреволюционную пропаганду (ч. 2 ст. 58—10 УК РСФСР) к расстрелу.

²⁴ С сентября 1941 г. – председатель военного трибунала Брянского фронта

²⁵ Информационный бюллетень военных судов. М. 2004. №4 (192)

Мучили ли В. Ульриха угрызения совести? К тому времени уже вряд ли. Он научился отвлекаться от «трудов праведных». Усаживаясь для очередного судилища в кресло, В. Ульрих нередко требовал от услужливых помощников поставить ему стакан «с чаем». На самом деле это был коньяк, который армвоенюрист отпивал небольшими глотками, размягчая мозги и притупляя чувства. Было у него еще одно пристрастие, позволявшее полностью отключаться и компенсировать усталость. Это – коллекционирование бабочек. На работу в коллегию специально приняли энтомолога, которого Ульрих одел в форму подполковника. Закрываясь в комнате отдыха, они часами обсуждали проблемы энтомологии и любовались редкими экземплярами...

Ближайший помощник Ульриха и его подельник по рассмотрению многих «контрреволюционных» дел – генерал-майор юстиции Александр Моисеевич Орлов, проработавший в коллегии с 1934 по 1948 год.

Бывший Главный военный прокурор Афанасьев в своих мемуарах так охарактеризовал Орлова во время их встречи в 1938 году в гор. Орле, где Александр Моисеевич в течение короткого времени проштамповал несколько десятков дел в отношении «врагов народа»: «Орлов, несмотря на свой малый рост и плюгавую фигуру, видимо, был преисполнен сознанием своей значимости, держался важно и явно пыжился»²⁶.

Напыщенный и важный, он был к тому же аккуратистом и щеголем – тонкая ниточка усов и начищенные до зеркального блеска сапоги «бутылочкой». Но в душе всегда был и остался до последних дней трусом.

Интересная запись, раскрывающая истинную суть борца с контрреволюционерами А. Орлова, встретилась мне в протоколе закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР от 18—19 апреля 1947 г. по делу необоснованно обвиненного в совершении ряда преступлений председателя военного трибунала 1-го Дальневосточного фронта, а затем – Приморского военного округа полковника юстиции Ф. Л. Бережного²⁷.

На вопрос председательствующего по делу генерала Орлова об отводах Бережной ответил:

– Я заявляю отвод генералу Орлову. И вот почему. В период войны, когда я был в Управлении военных трибуналов, то имел с ним нехороший разговор. Мне нужен был заместитель и, когда ему было предложено выехать на фронт, Орлов принес уйму справок о том, что он болен. В связи с этим я заявил ему, что он трус. Об этом же я говорил ему, когда работал в прокуратуре²⁸.

Отвод Бережного, разумеется, был признан судом необоснованным, а приведенные им мотивы – «провокационно-клеветническими». Истина открылась спустя годы. В протесте по этому делу, подписанном Генеральным прокурором Р. Руденко в январе 1955 года, отмечалось:

«Дело Бережного рассмотрено Военной коллегией с грубым нарушением элементарных требований процессуального закона и прав подсудимого. Подсудимому Бережному было отказано в защите. Необоснованно отклонен мотивированный отвод, заявленный подсудимым председательствующему по делу генерал-майору юстиции тов. Орлову».

Обозвав его трусом, Бережной точно подметил суть этого человека. По воспоминаниям ветеранов военных трибуналов он не только трусливо жил, но и умер от испуга. В одном из подмосковных санаториев его узнал известный и заслуженный генерал, которого Орлов перед вой-

²⁶ Фронт военных прокуроров. М. 2000. с. 25.

²⁷ О деле Ф. Бережного подробно рассказано в книге – Звягинцев В. Е., Муранов А. И. Досье на маршала. М. Андреевский флаг. 1996.

²⁸ Материалы судебного производства по делу Бережного №28808, архив военной коллегии, оп. 11, д. 133, 140

ной отправил в лагерь по сфабрикованному обвинению. Генерал в гневе готов был разорвать подлеца на куски. Орлов еле унес ноги и через несколько минут умер от разрыва сердца.

Ульрих скончался в мае 1951 года более достойно. Смерть настигла его, когда он нагнулся за носовым платком, который обронила дама. Гроб с телом единственного в стране генерал-полковника юстиции офицеры-фронтовики, слушатели Военно-юридической академии, в стенах которой Ульрих закончил свою службу, несли на руках от здания академии до Ново-девичьего кладбища.

Другие судьи военной коллегии, за исключением погибшего в мае 1942 года Г. Алексеева, тоже умерли своей смертью. Никого из них, в отличие от руководителей НКВД, особых отделов НКО²⁹ и «Смерша», так и не осудили за необоснованные репрессии. Больше всех «пострадал» И. В. Детистов – в 50-е годы его отстранили от должности, лишили воинского звания и исключили из партии³⁰.

Вместе с тем, надо сказать, что в системе военных трибуналов служили в те годы не только судьи, подобные Ульриху и Орлову. Никогда не соглашусь с теми авторами, которые находят достаточные основания для огульного очернительства всей деятельности военной юстиции в годы войны и представляют всех судей слепыми исполнителями чужой воли либо, наоборот, списывают все допущенные ошибки на войну. Не спорю, война существенно увеличила силу прессового давления на правосудие, деформированное еще до ее начала. Она привела к тому, что не только на полях сражений, но и в судебных залах цена человеческой жизни резко упала. Ужесточение законов, упрощение судебной процедуры, усиление зависимости от командования, бесспорно, снижали диапазон судейского усмотрения. Кому-то действительно это облегчало работу. Но эти же чрезвычайные меры значительно осложняли деятельность тех людей, которые оставались судьями в подлинном смысле этого слова. И мы предоставим читателю возможность убедиться в этом. Будем помнить, что такие судьи тоже были. Отдадим должное их мужеству. Они делали свою работу в невероятно тяжелых условиях. И не запятнали при этом своей совести.

К этому надо добавить, что многие достойные представители военно-судебного ведомства перед войной были репрессированы за то, что отважились протестовать против произвола и «смазывать» дела на «врагов народа», спасая их от эшафота. О них, занимавшихся «вредительством в области судебной политики» автором написана отдельная книга³¹. Здесь же мы отметим, что такие судьи были и в годы Великой Отечественной войны. Оправдательные приговоры трибуналов по сфабрикованным контрреволюционным делам, как правило, вызывали жесткую и крайне болезненную реакцию со стороны сотрудников особых отделов, а позже – «Смерша». Таким военным судьям по инициативе военных контрразведчиков объявлялись взыскания и устраивались спецпроверки на политическую благонадежность. Их имена в лучшем случае фигурировали в грозных ведомственных приказах и директивах с грифом «сов. секретно». А в худшем – судьи оказывались сами по ту сторону судебного барьера.

Например, в директиве от 20 мая 1944 года «О недочетах при рассмотрении дел об измене Родине и пособничестве врагу» были подвергнуты жесткой критике судьи военного трибунала войск НКВД Воронежской области и прежде всего – председатель этого трибунала полковник юстиции Жагров³².

²⁹ Руководителей Особых отделов судили даже в годы войны. Например, начальник 3 Управления Наркомата ВМФ А. И. Петров был осужден 13 января 1943 года Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 193—17, п. «а» УК РСФСР на 3 года лагерей за «преступную практику применения извращенных методов ведения следствия (избиение арестованных, вымогательство вымышленных показаний) и искусственное заведение дел об антисоветских организациях».

³⁰ Кроме Детистова, были лишены генеральских званий и исключены из партии И. О. Матулевич и И. М. Зарянов, работавшие в ВК до войны и после ее окончания.

³¹ Звягинцев В. Е., Муранов А. И. Суд над судьями. Казань. 1993.

³² Жагров Григорий Андреевич, 1981 г. р., из крестьян Владимирской губернии, участник первой мировой войны, георгиевский кавалер, с 1920 г. на военно-судебной работе, дату и обстоятельства смерти установить не удалось.

Что же вызвало приступ ярости руководителей из центра? 58 оправдательных приговоров из 136, вынесенных Жагровым и его подчиненными в 1943 году в отношении «изменников» и «пособников» из числа воронежских крестьян. Все эти 58 оправдательных приговоров были признаны политически ошибочными и отменены Военной коллегией Верховного Суда СССР.

Военных судей подозревали в политической неблагонадежности не только в связи с рассмотрением ими конкретных дел. Многие из них храбро воевали, поднимали бойцов в атаку, возглавляли в тылу врага партизанские отряды³³, выходили вместе с частями из окружения. А потом, как и другие военнослужащие – проходили унижительные проверки в фильтрационных лагерях НКВД. Словом, военные судьи тоже испытали сполна все тяготы и лишения фронтовой жизни, ужасы плена и «справедливость» законов военного времени, которые им ранее приходилось применять.

Погибли в боях за Родину председатели и члены военных трибуналов П. Я. Белоусов, Л. В. Бычковский, Н. В. Васильев, Д. Я. Жуков, В. В. Зайцев, М. А. Исаков, Г. В. Демин, В. Ф. Костиков, П. А. Кузнецов и многие другие³⁴.

Не все, конечно, были храбрецами и героями. Как и в любой другой части, встречались среди трибунальцев и трусы, и «разложенцы». Им не делали поблажек, наказывали и судили.

В докладной записке на имя начальника Главного управления военных трибуналов, написанной в августе 1942 года, сообщалось, что председатель военного трибунала 124-й стрелковой дивизии Дроздов и член этого же трибунала Рыбин за пьянство и дебоши были сняты с должностей, исключены из партии и осуждены³⁵.

Только из числа офицеров военных трибуналов Ленинградского фронта в 1942 году осудили 4 чел. Не всех, правда, обоснованно.

5 января 1942 года военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа осудил за контрреволюционную пропаганду председателя военного трибунала 11-й стрелковой дивизии военного юриста 3-го ранга Федора Ивановича Мосина.

Фабула обвинения в приговоре суда лаконична: в сентябре 1941 года, во время прорыва немецкими войсками нашей обороны под Ленинградом, Мосин в разговорах с работниками трибунала допускал высказывания пораженческого характера.

Вину свою Федор Иванович не признал ни на следствии, ни в суде. Тем не менее, он получил 8 лет лагерей и бесследно исчез. Дальнейшая его судьба до сих пор не известна.

Дело Мосина было истребовано из Управления КГБ по Орловской области только в декабре 1969 года по личному указанию заместителя председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерала Д. Терехова. Вскоре был подготовлен протест, в котором ставился вопрос об отмене приговора по этому делу. В протесте приведены «контрреволюционные» высказывания Мосина о том, что положение 8-й армии и города Ленинграда тяжелое, части армии отрезаны от основных сил, и, возможно, придется переправляться через залив.

Мосин в суде не отрицал, что говорил об этом своим подчиненным. Но утверждал, что не находит здесь ничего контрреволюционного. Не нашла этого в его действиях и военная коллегия. В феврале 1970 года она прекратила дело за отсутствием в словах судьи состава преступления.

³³ Например, один из старейших судей В. А. Иванов, встретивший войну в должности председателя военного трибунала Киевского гарнизона, попав в сентябре 1941 г. в окружение, организовал в Переслав-Хмельницком районе Киевской области партизанский отряд, влившийся впоследствии в 8-е партизанское соединение им. Чапаева.

³⁴ На страже социалистической законности, М., Воениздат, 1968, с. 38.

³⁵ Архив военной коллегии. Наряд №1—161. с. 100.

3. По данным судебной статистики

Архивные сводки 1941 года о судимости военнослужащих свидетельствуют, что, несмотря на горечь поражений и связанную с этим всеобщую неразбериху, отлаженный статистический механизм продолжал работать, скрупулезно фиксируя сведения об осужденных. Учитывалось не только их число, характер совершенных преступлений, но и социальное положение, партийность, воинское звание... Другое дело, что не все донесения с фронтов своевременно доходили до столицы, далеко не все арестованные в годы войны были затем осуждены, практиковались широко расстрелы без суда и следствия. 16 июля 1941 года правом расправы над нарушителями присяги и изменниками Родины Государственный комитет обороны наделял «командиров и политработников всех степеней», а 17 ноября 1941 года право внесудебной расправы получило Особое совещание при НКВД СССР. Только с учетом этих поправок, мы можем оценивать данные военно-судебной статистики.

Так, в сводке о судимости за первый год войны (с 22 июня 1941 года по 1 июля 1942 года), составленной начальником сектора статистики Главного управления военных трибуналов, сведения о количестве осужденных военнослужащих высшего и старшего начсостава выделены отдельной строкой: генерал-майоров – 12, контр-адмиралов – 1, дивизионных и бригадных комиссаров – 2, комбригов – 2...³⁶. Затем идет по нарастающей перечень количества осужденных из числа полковников, майоров, лейтенантов, рядовых.

Между тем, как уже сказано, реальные цифры значительно выше. Только за первый год войны было арестовано более ста человек, относившихся к высшему командно-начальствующему составу. Большинство из них пошло под трибунал и были осуждены. Причем, 45 чел. приговорили к расстрелу, в том числе 34 генерала³⁷.

В числе арестованных и осужденных в течение первого военного года: 4 бывших заместителя наркома обороны и ВМФ (Кулик, Мерецков, Проскуров, Левченко) 6 человек – командующие фронтами (округами), заместители и начальники штабов фронтов (Павлов, Кленов, Климовских, Пядышев, Тюрин, Глинский); 7 командармов (Дашичев, Долматов, Ермаков, Иванов, Качанов, Коробков, Собенников. Последний из них побывал и в должности комфронта. И это, не считая заочно осужденных в 1941 году военной коллегией за измену Родине командарма-28 генерал-лейтенанта В. Я. Качалова, погибшего 4 августа 1941 года и командарма-12 генерал-майора П. Г. Понеделина, захваченного в плен...

Важно заметить, что практически все из числа указанных лиц, осужденных трибуналами или репрессированных во внесудебном порядке, в настоящее время реабилитированы³⁸. Во-первых, такая статистика наглядно показывает градус «эффективности» работы военной Фемиды. А во-вторых, дает основание утверждать, что попадание того или иного генерала в орбиту военной юстиции напоминало рулетку. Привлечение их к ответственности зачастую было делом случая, неблагоприятного стечения обстоятельств. Это могли быть – концентрация на вверенном участке обороны значительных сил противника, низкий моральный дух и существенный некомплект личного состава, выбитого в предыдущих боях. Эти и другие обстоятельства зачастую не принимались в расчет инициаторами арестов...

Судя по архивным статистическим сводкам, а также донесениям по линии командования, 3-х отделов и управлений (особых отделов), прокуратуры и других органов среди дел, рассмотренных военными трибуналами Красной Армии в течение первого месяца войны, преобладали дела о дезертирстве с поля боя. Так, подводя итоги первому месяцу боев, начальник полит-

³⁶ Архив военной коллегии, оп.1, д.198

³⁷ Приложение №3 – сводная таблица.

³⁸ Исключение составили лишь несколько человек (М. Б. Салихов, С. К. Буянченко и др.).

управления Юго-Западного фронта докладывал своему начальству: «С 22 июня по 20 июля задержано 75 тысяч 771 человек военнослужащих, в том числе много командиров... Осуждено военным трибуналом 627 военнослужащих, в том числе начсостава – 48, младшего начсостава – 60, рядовых – 519. Из 627 осужденных военнослужащих приговорены к расстрелу 411 человек...»³⁹.

Обобщенные данные о преступности и судимости в РККА за первые месяцы войны приведены докладной записке от 8 февраля 1942 года, направленной прокурором СССР В. Бочковым И. Сталину: «За полгода войны военными прокуратурами Красной Армии было возбуждено 85.876 дел... Военными трибуналами осуждено 90.322 военнослужащих... Из общего числа осужденных военными трибуналами приговорены к ВМН – расстрелу 31.327 чел. и 58.995 к лишению свободы... В отношении 37.478 осужденных применена отсрочка исполнения приговора до окончания военных действий»⁴⁰.

В справке прокурора СССР, помимо дезертирства, обращено внимание на распространность членовредительства (в основном, самострелов), а также «фактов самочинных и ничем не вызванных расправ над подчиненными». Подробнее об этом – в отдельной главе.

Необходимо сказать, что удельный вес осужденных военными трибуналами к высшей мере наказания с каждым военным годом снижался. Если в 1941-м это был каждый третий осужденный, то в 1942-м – каждый пятый, в 1943—1944 годах – каждый двенадцатый.

А теперь, чтобы в дальнейшем не возвращаться к статистическим данным, приведем несколько общих цифр о числе людей, осужденных военными трибуналами за весь период войны⁴¹. По данным военно-судебного ведомства за годы войны трибуналами было осуждено 2 530 663 человек. Из них за «контрреволюционные» преступления привлечено трибуналами к суду 471 988 человек (18,6%), за воинские и общеуголовные преступления, соответственно, 792 192 человека (31,4%) и 1 266 483 человека (50%).

Из 2,5 миллионов человек, попавших в годы войны под трибунал, более 1,5 миллионов составляли гражданские лица. Военнослужащих же только военными трибуналами Красной Армии в годы войны было осуждено 994,3 тыс. чел. Причем, каждый третий из них (376,3 тыс.) привлечен к ответственности за дезертирство.

Что касается мер наказания, примененных военными судьями по конкретным делам, то статистика такова: за четыре года войны к высшей мере наказания было приговорено 217 080 чел. или 8,9% от общего числа осужденных⁴². Две трети из них составляли военнослужащие, к 422,7 тыс. солдат и офицеров была применена отсрочка исполнения приговора (примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР), а 436,6 тыс. – осуждены трибуналами к лишению свободы⁴³.

Динамика судимости по контрреволюционным преступлениям, приведенная в таблице (Приложение №4), показывает, что в 1941 году (фактически за полугодие) по 58-й статье было осуждено – 28732 чел. А в 1942 году количество «контрреволюционеров» уже в четыре раза больше – 112973 чел. Причем, до конца войны это количество оставалось на столь же высоком уровне. А в послевоенные годы – даже возросло. Но это уже тема для отдельного разговора. Здесь же надо заметить, что значительная часть лиц, привлеченных к ответственности за контрреволюционные преступления по ст. 58-й Уголовного кодекса, была осуждена трибуналами необоснованно. Хотя в процентном отношении удельный вес таких неправосудных приговоров бесспорно уменьшился. Война дала сотрудникам органов госбезопасности обиль-

³⁹ Цит. по книге – Скрытая правда войны: 1941 г., неизвестные документы.

⁴⁰ Впервые опубликовано в еженедельнике «Коммерсантъ», №4 (958), 30.01.2012.

⁴¹ Впервые эти, ранее совершенно секретные сведения, были обобщены и обнародованы в книге В. Е. Звягинцева, А. И. Муранова «Досье на маршала». М. Андреевский флаг. 1996 г. с.136—138.

⁴² Фактически эта цифра была выше, поскольку она не включает лиц, расстрелянных на основании решений Особого совещания, наделенного таким правом 17 ноября 1941 г.

⁴³ Более подробные сведения приведены в таблице (Приложение №4).

ный фактический материал для приложения своих сил и возможностей, поскольку появились реальные шпионы и диверсанты, предатели и изменники. Но разбираться в этом (даже при наличии такого желания) было намного сложнее, чем в мирное время. Ведь дела слушались в упрощенном порядке, причем на второй-третий день после возбуждения уголовного дела⁴⁴, что объективно вело к возрастанию вероятности судебных ошибок. А потому существенно усложняло работу военных судей. Вот что писал по этому поводу В. Васильковский, встретивший войну в должности председателя военного трибунала корпуса:

«Иногда приходится слышать от молодых судей о том, что во время войны осуществлять правосудие было легко, так как процессуальный порядок был несколько упрощён. Подобные суждения ошибочны. Обстоятельства, на которые ссылаются сторонники этой точки зрения, как на облегчающие судебную деятельность, наоборот, усложняют её и в первую очередь из-за резко возрастающей ответственности. Никакие ссылки судьи на войну, на её особые чрезвычайные обстоятельства не снимут с его совести неправосудный приговор».

Тем не менее, такие приговоры выносились. И немало. Прежде всего – по сфальсифицированным «контрреволюционным» делам. Самое удивительное, что репрессивный конвейер не остановился 22 июня 1941 года. Скорее, наоборот.

⁴⁴ Согласно докладной записке прокурора СССР В. Бочкова от 8 августа 1941 г. «более половины дел расследовалось в срок до 1 дня, а в срок до 5 дней были расследованы 80,6% всех законченных следствием дел».

4. Конвейер продолжал работать

Война не стала поводом для остановки работы советской репрессивной машины. Она и после 22 июня продолжала методично истреблять командные кадры Красной армии, обескровленной не только довоенными репрессиями, но теперь уже и гигантскими потерями первых боев. Не остановилось и обезглавливание оборонных наркоматов – боеприпасов, вооружения и др.

Так, 26 июня 1941 года список арестованных работников наркомата боеприпасов во главе с бывшим наркомом комдивом И. П. Сергеевым⁴⁵ и его заместителем А. К. Ходяковым (арестованы 30 мая), обвиненных в создании «антисоветской организации», пополнился начальником отдела Д. А. Ирлиным и начальником управления Г.А.Толстовым.

В Главном артиллерийском управлении, вслед за заместителем начальника ГАУ генерал-майором Г. К. Савченко (арестован 19 июня), изъяли еще одного зама – генерал-майора технических войск М. М. Каюкова, а также начальника управления бригавоенинженера С. О. Склизкова, временно исполняющего должность председателя артиллерийского комитета ГАУ полковника И. И. Засосова, начальника 3 отдела военинженера I ранга И. А. Герасименко...

Первая военная неделя (в сравнении с последней предвоенной) оказалась еще более обильной на аресты высшего командного и начальствующего состава. 22 июня был арестован генерал-лейтенант Р. Ю. Клявиныш, 23 июня – генерал армии К. А. Мерецков⁴⁶, 24 июня – генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов, генерал-майор И. Х. Паука, 25 июня – генерал-майор А. Н. Де-Лазари, 27 июня – генерал-лейтенанты авиации И. И. Проскуров и Е. С. Птухин⁴⁷...

Роберт Юрьевич Клявиныш стал генерал-лейтенантом РККА в декабре 1940 года. И тогда же принял командование 24-м территориальным (латышским) стрелковым корпусом. Этот корпус был сформирован в августе 1940 года, сразу после включения Латвии в состав Советского Союза и укомплектован военнослужащими из частей бывшей латышской армии. Они продолжали носить свою старую форму, нашив на нее лишь новые петлицы.

Советское руководство полагало, что части корпуса являются ненадежными и с началом военных действий многие военнослужащие могут перейти на сторону немцев. Поэтому в «превентивных» целях в июне 1941 года были произведены аресты.

13 мая 1941 года арестовали начальника артиллерии корпуса генерал-майора артиллерии А. Я. Даннебергса, 9 июня – командира 183-й латышской дивизии генерал-майора А. Н. Крустыныша, 19 июня – начальника штаба той же дивизии полковника К. А. Леиныша... А в первый день войны был вызван в Москву «на курсы» и тут же арестован Р. Ю. Клявиныш. 29 июля того же года военная коллегия приговорила его и других проходивших с ним по одному делу офицеров по ст. ст. 58—1б и 58—11 УК РСФСР к расстрелу. В приговоре утверждалось, что осужденные «являлись участниками антисоветской заговорщической организации, ставившей перед собой задачу свержения советской власти в Латвии путем установления организационной связи с командованием германской армии и организации восстания в момент начала войны фашистской Германии с Советским Союзом»⁴⁸.

Р. Клявиныш заявил в суде:

⁴⁵ На момент ареста – преподаватель академии Генштаба.

⁴⁶ Постановление об аресте К. Мерецкова было оформлено задним числом – 5 июля 1941 года.

⁴⁷ Это наиболее вероятная дата ареста, в других архивных документах упомянуты как даты ареста Е. Птухина – 24 июня и 3 июля 1941 г.

⁴⁸ Архив военной коллегии, надзорное производство №4н-0977/57

– Я всегда был противником фашистских настроений и к антисоветской организации не принадлежал.

Между тем, его доводы и аргументы судей вовсе не интересовали. 16 октября 1941 года Р. Клявиньш и другие генералы и офицеры были расстреляны⁴⁹.

Военный прокурор Главной военной прокуратуры майор Назаров, занимавшийся пересмотром этого дела в 50-е годы прошлого века, установил множество несуразностей и нестыковок, свидетельствовавших о явной фабрикации предъявленных фигурантам этого дела обвинений. В частности, Комаров, Родос, Лихачев и другие известные костоломы госбезопасности выбили у «заговорщиков» показания, что идейным вдохновителем «антисоветской латышской военной организации» был автор философского религиозного труда «Космософия»⁵⁰ Карлис Балодис, известный латвийский экономист, статистик и демограф. И никто из следователей даже не удосужился выяснить, что на самом деле автором этого труда была женщина – Эмма Апоре...

Профессор кафедры оперативного искусства академии Генерального штаба генерал-майор Иван Христофорович Паука – тоже латыш. Он проявил себя еще в годы гражданской войны, способствовал становлению М. В. Фрунзе как полководца. В 1920 году был начальником штаба Южного фронта и разрабатывал операцию по взятию Крыма. И. Х. Паука был обвинен в антисоветской деятельности. До суда он не дожился. Находясь под следствием, умер в тюрьме 23 мая 1943 года.

Основной причиной ареста старшего преподавателя военной академии химической защиты генерал-майора А. Н. Де-Лазари, судя по всему, явилась его фамилия. Германия вела войну в союзе с Италией, а древние предки Де-Лазари были итальянскими аристократами. Но его прапрадед еще в XVIII веке перебрался в Россию, а прадед уже воевал против Наполеона в русской армии. Надо сказать, что из-за иностранной фамилии в годы войны пострадал не только Де-Лазари. Среди таковых – профессор артиллерийской академии генерал-майор артиллерии П. А. Гельвих⁵¹, командир 6-й запасной артиллерийской бригады А. А. Вейс. Последний, не признав вину ни на следствии, ни в суде, прямо заявлял, что его «арестовали не за совершение преступлений, а как лицо немецкого происхождения»⁵²...

Генералы К. А. Мерецков, П. В. Рычагов и И. И. Проскуров, арестованные на второй и третий день войны, судя по всему, должны были стать ключевыми фигурантами очередного грандиозного судебного процесса, организацией которого НКВД активно занималось в первой половине 1941 года. Все – Герои Советского Союза, участники боевых действий в Испании. Последний из них, генерал-лейтенант авиации Проскуров, в 1939 году перешел с летной работы на должность начальника Разведывательного управления РККА, но незадолго до ареста был снова переведен в состав ВВС РККА.

Вероятно, в ядро «заговорщиков» по этому делу должны были войти все предвоенные руководители Военно-воздушных сил страны. Кроме заместителя наркома обороны СССР, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова⁵³, это дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич⁵⁴ и командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник А. Д. Локтионов⁵⁵ (все трое в разное время возглавляли ВВС РККА).

⁴⁹ Р. Клявиньш и другие лица, осужденные по этому делу, были реабилитированы военной коллегией 30 ноября 1957 года.

⁵⁰ Космософия – познание вселенной чрез внутреннее созерцание.

⁵¹ П. А. Гельвих считал себя русским, хотя по документам значился немцем, а родители по происхождению были шведами.

⁵² Отец у него был немцем, а мать русской.

⁵³ На момент ареста – слушатель академии Генштаба.

⁵⁴ На момент ареста – помощник начальника Генерального штаба по авиации.

⁵⁵ На момент ареста – в распоряжении НКО.

Среди арестованных – начальник Управления ПВО Наркомата обороны СССР Герой Советского Союза генерал-полковник Г. М. Штерн, начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант авиации Ф. К. Арженухин, начальник НИИ ВВС, начальник летно-испытательного центра генерал-майор авиации А. И. Филин и другие известные летчики⁵⁶.

Всего же в 1941 году было арестовано около 30 известных в стране военных авиаторов или командиров, имеющих непосредственное отношение к авиации. 8 из них были Героями Советского Союза. Большинство имело опыт боевых действий в Испании, в районе реки Халкин-Гол и озера Хасан или в Финляндии.

Принято считать, что официальным поводом для арестов военных авиаторов явилось большое количество ЧП с человеческими жертвами. Действительно в предвоенные годы ВВС РККА ежегодно теряли немало самолетов. В начале 1941 года, когда в летные части стали поступать новые скоростные самолеты и началось переучивание личного состава, количество катастроф еще более возросло. Объективно все это было вызвано бурным ростом советской военной авиации при недостаточной квалификации летчиков. Однако Кремль пришел к другим выводам. Л. Берия и В. Меркулов четко уловили негативное отношение вождя к руководству ВВС. Были отданы соответствующие распоряжения, отфильтрован старый компромат из дел 37—38 годов. После чего, сначала в оперативных справках сотрудников НКВД, а затем и в протоколах допросов, причины автокатастроф стали увязывать с контрреволюционной деятельностью мощной, законспирированной антисоветской организации, возглавляемой героями-летчиками.

10 мая 1941 г. в связи с неудовлетворительной боевой подготовкой Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о снятии с должностей командующих ВВС Московского и Орловского военных округов Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации П. И. Пумпура и генерал-майора авиации П. А. Котова. Последнего назначили преподавателем военной академии, и он избежал репрессий. А Пумпура обвинили в неправильном подборе кадров и протаскивании на должность своего помощника еще одного Героя Советского Союза – генерал-майора авиации Э. Г. Шахта. Он, по версии следствия, являлся «подозрительным человеком». Шахт был арестован 30 мая 1941 года, Пумпур – на следующий день.

В предгрозовом июне, помимо упомянутых Г. Штерна и Я. Смушкевича, были также арестованы генерал-лейтенант авиации П. А. Алексеев (пом. командующего ВВС ПриВО), генерал-майоры авиации А. А. Левин (заместитель командующего ВВС ЛенВО), П. П. Юсупов (заместитель начальника штаба ВВС РККА), комбриги А. И. Орловский (командир авиадивизии), И. И. Черный (начальник курсов усовершенствования командного состава ВВС), комдив Н. Н. Васильченко (помощник главного инспектора ВВС РККА) и другие военачальники. Кроме того, были сняты с должностей и лишены генеральских званий бывший начальник Управления кадров ГУ ВВС В. П. Белов и бывший начальник Липецких авиационных курсов И. В. Васильев.

После столь масштабного разгрома авиационных кадров, приведшего к оголению многих ключевых должностей, становятся более понятными и объяснимыми причины (а их немало) практически полного уничтожения нашей военной авиации в первые дни войны⁵⁷.

Казалось бы, первые трагические дни войны должны охладить горячие головы инициаторов расправы над авиаторами. Но этого не произошло. Ставка на страх перед репрессиями сохранилась. Вслед за П. Рычаговым и И. Проскуровым, уже после фашистского вторжения были арестованы: командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-майор авиации А. П. Ионов и командующий ВВС Юго-Западного фронта Герой Советского Союза

⁵⁶ См. Архив президента РФ, ф.3, оп. 24, д. 378, л. 196—211; Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия 1938—1941. М. Вече. 2003.

⁵⁷ В первый день войны было уничтожено около 1200 самолетов ВВС РККА; только в частях ВВС Западного фронта – 738 самолетов, из них 528 на аэродромах.

генерал-лейтенант авиации Е. С. Птухин, начальник штаба ВВС РККА генерал-майор авиации П. С. Володин, начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант авиации Ф. К. Арженухин. Аресты продолжились и в июле: командующий ВВС Западного фронта генерал-майор авиации А. И. Таюрский (8 июля), командующий ВВС Дальневосточного фронта генерал-лейтенант авиации К. М. Гусев (11 июля)⁵⁸, начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта генерал-майор авиации Н. А. Ласкин (12 июля).

Обращает на себя внимание, что в обвинениях, предъявленных этим генералам, помимо довоенного компромата об их участии в антисоветском военном заговоре, отсутствуют формулировки (помимо общих фраз о преступном руководстве войсками) о халатности и бездеятельности, допущенных в начальный период войны и повлекших уничтожение самолетов. Судя по всему, обвинения тогда еще не были окончательно сформулированы следователями, еще не приобрели своей завершенности...

Вал репрессий в отношении командного и начальствующего состава Военно-воздушных сил усилило неслыханное по своей дерзости событие, произошедшее 15 мая 1941 г. Мало кто знает и сегодня, что задолго до М. Руста немецкий самолет «Юнкерс-52», незамеченный постами наблюдения ПВО вторгся в советское воздушное пространство, беспрепятственно пролетел по маршруту Белосток – Минск – Смоленск – Москва и благополучно приземлился в центре столицы – на аэродроме в районе стадиона «Динамо».

По мнению П. Судоплатова это происшествие явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения И. Сталина: «Это вызвало переполох в Кремле и привело к волне репрессий в среде военного командования: началось с увольнений, затем последовали аресты и расстрел высшего командования ВВС»⁵⁹.

Некоторые историки, например Б. Соколов, увязывают начало «заговора» с этим событием. Представляется, что утверждение Судоплатова о «последней капле» является более верным, поскольку идея «заговора героев» задолго до 15 мая витала в кабинетах Лубянки.

Не исключено, что по одной из версий сценаристов из НКВД, в процессе об очередном крупном «антисоветском военном заговоре» предполагалось задействовать не только авиаторов, но и командующих округов, представителей центральных управлений Наркомата обороны, руководителей военной промышленности, включая наркома боеприпасов И. Сергеева и наркома вооружения Б. Ванникова⁶⁰.

Центральной же фигурой заговора должен был стать один из наиболее крупных военачальников того времени генерал армии Герой Советского Союза К. Мерецков. 22 июня 1941 года – заместитель Наркома обороны СССР. 23 июня – постоянный советник при Ставке Главного командования. 24 июня 1941 года – просто арестант. Хотя нет. Сначала его не считали простым арестантом, поскольку допрашивали и избивали не рядовые исполнители, а костоломы весьма высокого ранга – сам нарком госбезопасности В. Меркулов и начальник следственной части НКГБ СССР Л. Влодзимирский...

Мерецков вписывался в тайные схемы НКВД по всем основным параметрам. Был советником в Испании, руководил Выборгским направлением во время финской кампании. Тоже был Героем. А в августе 1940 года достиг вершины – стал начальником Генштаба. Между тем, обвинение Мерецкова в проведении подрывной контрреволюционной деятельности основывалось на показаниях обвиняемых, которые они давали еще в 1937—1938 годах. Из свежих «доказательств» в материалы дела добавили только показания, выбитые у Я. Смушкевича на допросе 21 июня 1941 года.

⁵⁸ Это наиболее вероятная дата ареста, называются и другие даты.

⁵⁹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М. 1996. с. 139.

⁶⁰ Арестованы, соответственно, 30 мая и 7 июня 1941 г.

Казалось, что Мерецков обречен. И все же война спутала карты сценаристов кровавого террора. Публичный процесс не получился. Несколько «заговорщиков», в том числе Ванникова и Мерецкова, освободили из заключения в связи со складывавшемся на фронте положением, то есть в связи с острой необходимостью. Большинство же «участников антисоветского военного заговора» уничтожили без следствия и суда.

5. Внесудебная расправа

Часть высокопоставленных арестантов вывезли в Куйбышев и тайно расстреляли 28 октября 1941 года на окраине города, ставшего в те дни запасной столицей СССР.

Расправа была произведена на основании распоряжения Л. П. Берии №2756/Б от 18 октября 1941 года, которым предписывалось расстрелять 25 заключенных, в том числе 14 военных: генерал-полковников Г. М. Штерна и А. Д. Локтионова, генерал-лейтенантов авиации Я. В. Смушкевича, П. В. Рычагова, И. И. Проскурова и Ф. К. Арженухина, генерал-майора артиллерии Г. К. Савченко, генерал-майора авиации П. С. Володина, генерал-майора технических войск М. М. Каюкова, дивинженера И. Ф. Сакриера, полковника И. И. Засосова, бригадир-инженера С. О. Склизкова, военинженера 1-го ранга М. Р. Соборнова (начальник опытного отдела Технического совета Наркомата вооружения СССР), майора авиации М. П. Нестеренко (заместитель командира полка особого назначения, жена П. В. Рычагова).

На тот момент это предписание являлось единственным основанием для расправы⁶¹. Заключение об обоснованности расстрела за подписями Л. Берии, Б. Кобулова, Л. Владимировского и прокурора СССР В. Бочкова было составлено задним числом.

Позже для «юридического» оформления внесудебных репрессий наделили Особое совещание при НКВД СССР правом принятия по контрреволюционным делам постановлений о расстреле. В постановлении ГКО-903сс, подписанном И. Сталиным 17 ноября 1941 года, говорилось: «Предоставить Особому Совещанию НКВД СССР право с участием прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, ...выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого Совещания считать окончательным» (Приложения №5 и 6).

29 января 1942 года Л. Берия направил И. Сталину список 46 арестованных, «числящихся за НКВД СССР». Среди них были 17 генералов и ряд крупных работников оборонной промышленности. Все они обвинялись во вредительстве и заговоре против государства. Вождь наложил лаконичную резолюцию: «Расстрелять всех поименованных в списке. И. Сталин».

13 февраля 1942 года Особое совещание НКВД СССР оформило это решение постановлением о расстреле генерал-лейтенантов авиации П. А. Алексеева, К. М. Гусева, Е. С. Птухина, П. И. Пумпура, генерал-лейтенанта технических войск Н. И. Трубецкого, генерал-лейтенантов П. С. Кленова, И. В. Селиванова, генерал-майоров авиации А. П. Ионова, Н. А. Ласкина, А. А. Левина, А. И. Филина, Э. Г. Шахта, П. П. Юсупова, генерал-майора танковых войск Н. Д. Гольцева, генерал-майоров А. Н. Де-Лазари, М. И. Петрова, комдива Н. Н. Васильченко, а также руководящих работников оборонных наркоматов во главе с наркомом боеприпасов И. П. Сергеевым.

Как видно, кроме уже упомянутых лиц, на этот раз во внесудебном порядке были расстреляны генерал-лейтенанты П. С. Кленов, Н. И. Трубецкой и И. В. Селиванов, генерал-майоры М. И. Петров и Н. Д. Гольцев⁶².

⁶¹ В 50-е годы все материалы в отношении расстрелянных героев были прекращены постановлениями Генерального прокурора за отсутствием состава преступления.

⁶² О Н. Д. Гольцеве в следующей главе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.